русский пионер

№7(40) октябрь 2013

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2071-3037

Диана Арбенина

музыка внутри

ДЕТЯМ ДО 16-ТИ НЕ ОТПУСКАЕТСЯ

orlova

Цирк никуда не уехал.

Андрей Колесников

Клятва главного редактора стр. 6

первая четверть

Урок правды. Я — Бонифаций. **Амаяк Акопян** про себя, леди Диану и Муаммара Каддафи стр. 16

Урок уроков. Але-оп! **Диана Арбенина** о том, как сильно любит жить стр. 20

Урок труда. Обаяние и наказание. **Вячеслав Полунин** об изысканной наивности цирка стр. 22

Прогул уроков. Я Путина видел. **Майкл Макфол** про свои встречи с Владимиром Путиным и Игорем Сечиным стр. 24

Урок русского. Цирковая. **Ксения Собчак** про цирк ее жизни стр. 26

Урок танцев. Танцы в «Мадонне». **Екатерина Истомина** про свой балетный фурор стр. 28

вторая четверть

Пионер-герой. Фабрика змей. Обозреватель «РП» в зоопарке стр. 32

Следопыт. Одного пола ягоды. Наш корреспондент исследует основы гомосексуализма России стр. 38

третья четверть

Диктант. Воцирковленные. В тему номера *стр. 46*
Собеседование. Человечки. Обозреватель «РП» в цирке для хулиганов *стр. 48*
Дневник наблюдений. Венецианское койко-место. Фотодиректор «РП» узнала, что такое кризис *стр. 54*
Урок поэзии. Поэт Орлуша честно признается: кто в цирке был, тот в цирке не смеется. Стихи **Андрея Орлова (Орлуши)** *стр. 60*
Сочинение. Канатоходец. Рассказ **Майка Гелприна** *стр. 64*
Комикс **Андрея Бильжо** *стр. 71*

четвертая четверть

Урок мужества. Осень жаль. Обозреватель «РП» в меланхолии *стр. 76*
Урок географии. Ветер трудного дня. Отдых под дулами *стр. 80*
Рассказ продолжается. Дядя-цирк. Рассказ **Марины Степновой** *стр. 88*

группа продленного дня

Правофланговый. Двенадцать с половиной. **Андрей Макаревич** о том, как он завис в цирковой общаге *стр. 96*
Звеньевой. Все детство на манеже. **Юрий Дуров** о 150-летней династии *стр. 98*
Завуч. Неподдельное. **Эдгард Запашный** о том, что не надо очеловечивать животных *стр. 100*
Пионервожатый. Несчастный случай. **Виктор Ерофеев** говорит с президентом *стр. 104*
Отличник. Зависший. **Марк Гарбер** про Яна и Алию *стр. 106*
Знаменосец. Ни о чем не бойся. **Тигран Кеосаян** про дядю Армена *стр. 108*
Запевала. Звери, вы люди! **Андрей Бильжо** о черепахе, попугае, рыбках и родне *стр. 114*
Завхоз. Куда отъехал цирк. **Сергей Кочуров** про разборку с шапито *стр. 116*
Подшефный. Цирковный трепет. **Никита Колесников** про карликов, от которых пахнет капустой *стр. 118*
Подшефный. Стихи **Владимира Шодика** *стр. 120*
Горнист. Зина и Дина. **Вита Буйвид** пьет в месте, которое несовместимо с алкоголем *стр. 122*

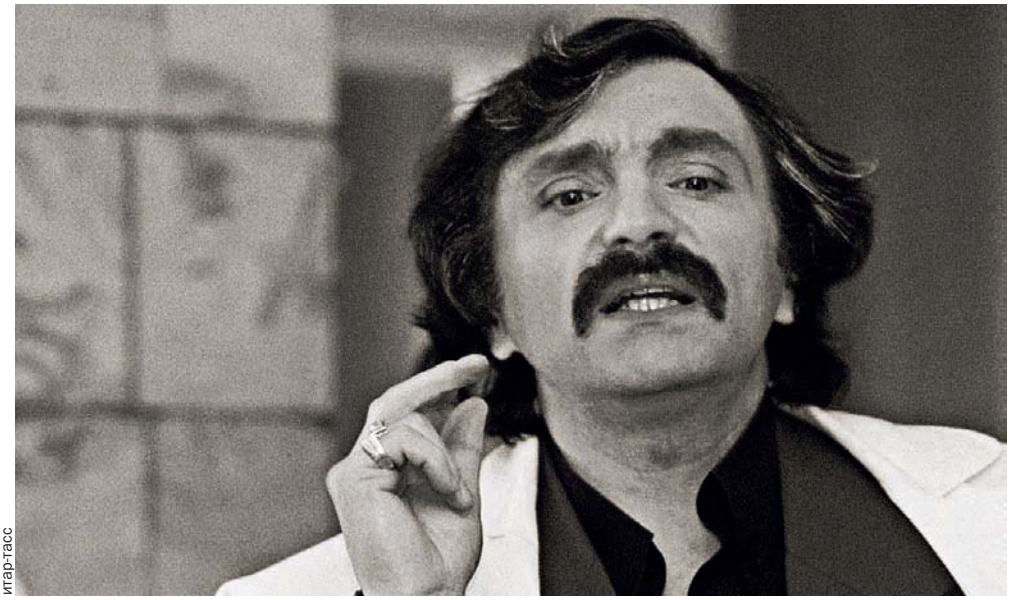
Внеклассное чтение. 2 ноября, пятница. Детектив **Петра Фадеева** *стр. 124*

Урок правды шеф-редактора. Подведение итогов *стр. 127*

Первая четверть.

Урок правды. Я — Бонифаций. **Амаяк Акопян** про себя, леди Диану и Муаммара Каддафи. *Урок уроков.* Але-оп! **Диана Арбенина** о том, как сильно любит жить. *Урок труда.* Обаяние и наказание. **Вячеслав Полунин** об изысканной наивности цирка. *Прогул уроков.* Я Путина видел. **Майкл Макфол** про свои встречи с Владимиром Путиным и Игорем Сечиным. *Урок русского.* Цирковая. **Ксения Собчак** про цирк ее жизни. *Урок танцев.* Танцы в «Мадонне». **Екатерина Истомина** про свой балетный фурор.

итар-тасс

Я — Бонифаций

текст: амаяк акопян рисунки: анна всесвятская

О том, в чем состоит сходство «артиста-лицедея в жанре иллюзий-манипуляций» (как он сам себя называет) Амаяка Акопяна и героя культового советского мультфильма, читатель «РП» узнает здесь и сейчас. Но главное, о том, почему фокусник — обидное слово.

НЕТ ТАКОЙ ПРОФЕССИИ — фокусник. Есть такая профессия — актер, артист, поэтому для меня как актера и артиста слово «фокусник» — обидное и не очень правильное. Фокусники у нас встречаются среди олигархов, депутатов, банкиров и работников торговли.

Я — актер-лицедей, владеющий жанром иллюзий-манипуляций. Я живу в этой профессии с рождения.

До того как я появился на свет божий, мой папа заказал по собственному эскизу своему знакомому плотнику-бутафору кроватку и дал ему аванс. А он, как нормальный творческий человек, этот аванс с друзьями прогулял и вовремя кроватку не изготовил. Поэтому когда меня привезли из роддома на Трубную, дом 20, где моя мама и бабушка до войны, всю войну и после войны жили, то я спал в папином волшебном ящике-ларце. Это была моя купелька. Во время войны папа выступал с фронтовыми бригадами и показывал трюки. Возить по фронтам специальное оборудование, чтобы распиливать женщину, было невозможно. А ящики, кастрюли, где появлялись и исчезали разные предметы, он таскал чемоданами на себе. И у него был известный всем трюк: он показывал публике волшебный ларец, где ничего не было, потом накрывал его волшебным платком, произносил волшебные мантрические заклинания «За Сталина! За Родину!», сдергивал платок, и там появлялись нужные предметы — картошка, рюмка водки, ленты, платки. Когда я родился, из этого ящика сделали для меня кроватку. Нахлынувшие родственники, которые очень хотели увидеть будущего волшебника, приходили в наш дом в большом количестве.

А папа же не мог без фокуса, без трюка, без подарка, без фейерверка. Заглянув в этот ящик-купельку, родственники не обнаруживали новорожденного юного волшебника, но в нужный момент отец накидывал платок, произносил волшебную фразу «Любимая жена, любимая Лялечка!», сдергивал, и появлялся ваш покорный слуга, маленький, крошечный, 3 килограмма 700 граммов. Конечно, моя судьба была предопределена. Всем детям давали погремушку, соску, мягкие игрушки, а мне давали в руки картишки. Папа придумал эффектный трюк с развязкой — он давал колоду карт зрителям-родственникам:

— Любую карту возьмите, пожалуйста. Запомните ее.

Потом эту карту надо было разорвать и сжечь.

А потом командовал:

— Ну-ка, сыночек! Ну-ка, Амаячек! Покажи нам, какую карту запомнили, разорвали и сейчас она воскреснет.

Я поднимал ногу, а у меня в пальцах была зажата именно эта карта.

Должен признать, что в детстве во мне боролись две страсти — быть лицедеем и актером и желание быть художником. Мое детство прошло в мастерской замечательного художника Владимира Серова. Прошу не путать с Валентином Серовым. Валентин написал «Девочку с персиками», а Владимир Александрович написал хрестоматийное произведение «Ходоки у Ленина». Этот человек был мне очень дорог, я учился с его дочкой в одном классе. Я изрисовывал все парты; приходили мои товарищи и давали учебник, чтобы я над ним поизмывался в полном смысле этого слова. Я дорисовывал персонажей, я придумывал какие-то истории, поэтому у меня Ленин ходил то в тельняшке и бескозырке, то в кепке и кольчуге, а порой он был больше похож на одного из битлов — любимого мною «Джона Ленина» — в очочках. За свои карикатуры, точнее, стилизованные портреты мне приходилось отчитываться в школе.

Я никогда не занимал в школе первые места на слетах пионеров, рассказывающих стихи, я выходил на сцену и читал Корнея Ивановича Чуковского «Муха-цокотуха», показывал пантомимы, фокусы, а зал просто покатывался от смеха. Педагоги же никогда в жизни не давали мне призового места. Первые места занимали стихотворения о Ленине, о Крупской. Вы не представляете, какое это потрясение для ребенка: я же вижу восторженные глаза зрителей. Вот почему был такой протест к школе. Я даже резал пионерский галстук. Я поспорил на три бутылки лимонада «Буратино» и три эскимо на палочке, что я войду к директору школы в кабинет, демонстративно сниму с себя галстук, разрежу его пополам, а потом он срастется по моей команде. И вот открывается дверь, и пионер входит в кабинет, где висят портреты Ленина, Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Рядом с директором сидит учитель русского языка и литературы, который жутко меня не любит, потому что я все время шутил и фокусничал. Ну как может педагог сказать такую фразу:

— Акопян, ты пойми, ты это произведение должен впитать с молоком своего учителя!

— А если оно скисло? — отвечал я.

Как говорил великий Шопенгауэр, капец!

Так вот, захожу я в кабинет и со словами «К первому мая новый фокус!» разрезаю галстук. Они просто ошалели, у них был шок: вскочили, схватили меня и вынесли буквально из кабинета со словами: «Ты забыл, что такое пионерский галстук? Ты забыл великие слова? Как повяжешь галстук, береги его, он ведь с нашим знаменем цвета одного». Я знал другой вариант: «Он же с нашим портвейном цвета одного». Так шутил зашибавший все время завхоз дядя Коля, который жил на первом школьном этаже.

Они, не дождавшись счастливой репризы, отправили меня за родителями. А родители все время на гастролях были, бабушка приходила отдуваться. А потом на торжественной утренней линейке с меня демонстративно сняли галстук. Пионервожатая сказала мне все, что обо мне думала:

— Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Я, еще не расплакавшись, достал из одного рукава галстук, из второго, из всех карманов

стал доставать пионерские галстуки. Зарядку себе сделал: знал же, куда иду. Но где-то на периферии сознания была мысль, что кто-нибудь заступится. Однако никто так и не заступился. Потом мой папа ходил в районо и объяснял:

— Директор не понял, это же трюк, фокус, который был подготовлен специально к празднику 1 мая. А педагоги не подождали, чтобы увидеть счастливую развязку. Конечно, с пионерским галстуком нехорошо делать фокусы, мы с ним проведем серьезный разговор.

Мне, конечно, вернули мой пионерский галстук, который мне потом уже был совершенно не дорог. Они отбили всякую охоту гордиться великим Лениным.

Чтобы отомстить, я пришел в школу с пачкой сигарет «Мальборо». Это были 60-е годы. Люди вообще не знали, что есть такие американские сигареты. Те, кто с американцами братался в 1945-м, те знали. Но мое поколение никогда их в глаза не видело. А тут мальчик, школьник, пионер приносит в школу «Мальборо» и демонстративно на переменке всем показывает. Прибегают учителя, завуч, берут меня в кольцо, а я только этого и жду, потому что я ж не просто так принес. Я же пришел отомстить за свои горькие слезы. Ведь многие педагоги не умеют отличать: вот этот мальчик или девочка — наглый враль, а этот — фантазер.

— Ты что? Куришь? Американские сигареты?

А я говорю:

— А где вы видели американские сигареты? — и одним движением руки превращаю пачку сигарет в простую пустую коробочку.

Меня сопроводили для приватной беседы в кабинет завуча.

— Сними пиджак, сними рубашку.

До трусов и майки меня раздели и не могли найти пачку сигарет. Потом к стукачам обратились, которые есть в любой школе. Как говорил мой покойный папа, царство ему небесное:

— Сынок, есть такая профессия — предатель. Везде. Во все времена, во все эпохи.

Они вели переговоры со стукачами, но мой папа так ловко придумал трюк, что невозможно было найти эту пачку сигарет. Поэтому я был вынужден каждый раз уходить из школы после таких случаев. Была пятая школа с английским уклоном, потом была математическая — всю жизнь математика сушила мне сердце, я не понимал, зачем я там. Но большую часть трюков я показывал именно в ней. Суриковская школа. Всего около пяти школ я сменил. Теперь во всех висят мои портреты.

Несмотря на проблемы с учителями, я был любимцем одноклассников: это было время долго не остывающих восторгов и непрекращающихся оваций. Акопян сорвет любой экзамен, контрольную как нечего делать.

Со шпаргалками все было просто: ну что там придумывать. Бабушка часто говорила: «Запишите себе на манжете». Есть такая фраза. Я подумал, как это здорово, и сделал из белого картона вставные манжеты, бутафорские. У меня их была целая пачка. В нужный момент я их доставал, подменивал и списывал. Ко мне приходила на консультации вся школа.

Амаяк Акопян фокусы не показывает. Трюки демонстрируют его персонажи. Это существенная разница: для меня всегда было важно найти образ, создать маску.

В 80-м году, поступив на работу в Москонцерт, я стал валютным артистом. «Танцующий иллюзионист» — с этим номером меня отправляли за рубеж, чтобы я зарабатывал родине деньги. Я гастролировал в 65 странах. Я зарабатывал родине валюту и всю ее до копеечки отдавал: таковы были условия игры.

Я — счастливый человек: мне аплодировали многие известные люди. Я сейчас не говорю про ЦК партии, Леонида Брежнева, все политбюро. Я выступал перед принцессой тайской, перед Муаммаром Каддафи, королем Хуаном Карлосом, принцессой Дианой. До ее гибели мои друзья-французы в Париже попросили меня:

— Вы не могли бы просто подойти?

В ресторане за столиком сидели Диана и аль-Файед.

— Да как можно отказать самой красивой женщине? — ответил я. — Умной, обаятельной, самой модной?

Ее же обожали люди. Она была эффектной во всех отношениях. Аль-Файед оказался очень внимательным; когда я ему показывал карточные фокусы, он не скрывал своих эмоций. Диана реагировала сдержанно, по-королевски, но все равно не могла сдержать своего восторга, когда я брал у аль-Файеда его красивый, надо полагать не самый дешевый, шарф и сигаретой прожигал насквозь. И после этого у них на глазах исчезала сигарета и не было никакой дыры.

Муаммар Каддафи громче всего реагировал на фокусы с деньгами, бил себя по коленке и кричал:

— Шайтан, шайтан!

У меня есть такой трюк, когда я сжигаю карты и появляется большой куст денег. Трюки с деньгами всегда вызывают огромный успех у любой аудитории. Когда на глазах я рву купюру 100 долларов и вдруг она у меня реанимируется или превращается в советские деньги.

Я — счастливый человек: меня всю жизнь окружали талантливые актеры и режиссеры. С детства в нашем хлебосольном доме и на даче собирались великие люди: от маршала Баграмяна, с которым мы соседствовали, до Фантомаса — Жана Маре. Мария Владимировна Миронова, мама великого Андрея Миронова, приезжала к нам в гости, Борис Бабочкин, сыгравший Чапаева, жил недалеко от нашего дома, дружил с отцом, гаражи рядом были. Рину Зеленую я знаю с детства, потому что ездил на гастроли со своими родителями. Первый раз я поехал в шесть лет, и Рина Зеленая со мной резалась в картишки за кулисами и все время проигрывала. В дурачка играли.

— Он из меня дурочку делает все время, — возмущалась Рина Зеленая. — Мальчик вырастет — будет шулером.

— Этого не может быть, — отвечал папа. — Из рукава мы ничего никогда не достаем. Это слухи и выдумки зрителей.

Кто в здравом уме сядет с Амаяком Акопяном играть в карты? После того как я снялся в фильме «Воры в законе», где я играю кукольника-мерзавца, раздавались звонки. Звонили люди и баритоном спрашивали:

— Амаяк Арутюнович, не хотите с нами поработать?

— В каком смысле?

— Вашими руками да с нашими наперстками. И вы будете самым богатым человеком на планете. Работаем полтора года, а потом вы отдыхаете.

— Где-нибудь на Соловках?

— Вы шутите?

— Это вы, наверно, шутите, — отвечаю я. — Кто согласится играть, да еще на деньги, с Амаяком Акопяном? Мне как минимум нужно сделать пластическую операцию.

— Так мы вам и сделаем.

Со словами «Истинное искусство не продается» я вешал трубку.

У Киевского вокзала ко мне подошли два человека и стали рассказывать, что они барсеточники, это их точка.

— Амаяк Арутюнович, нам такой гуру, как вы, очень нужен. У нас на зоне вас очень уважают, вы в авторитете.

— Спасибо, мне это очень лестно.

— Мы фильм «Воры в законе» на зоне смотрели по пять раз в день.

— Да что вы? Для меня это большая честь, — говорю я.

— Не хотели бы взять двух мальчиков на воспитание?

— Чему я их могу научить?

— Наши ребята очень хотели бы, чтобы вы передали кое-какое мастерство. Мы готовы платить по пятьдесят тысяч долларов за лицо.

В этой жизни мой отец и мои родные меня другому учили.

Целое поколение выросло на моих детских передачах. Многие подходят и говорят: «Спасибо за наше счастливое детство».

Но есть и другая категория людей — подходят раз до ста в день:

— Ну покажите фокус. Ну че вы, ребенку фокус не можете показать? Че вам, жалко, что ли?

Вот это моя судьба — судьба Бонифация. Мой любимый мультик — «Каникулы Бонифация». Лев приезжал в родную Африку, и вместо того, чтобы отдохнуть от цирка и представлений, от фейерверка и постоянного праздника, он сталкивался с тем, что дети просят показать его трюки.

Все мои хорошие друзья и знакомые постоянно приглашают меня к себе в гости, на свадьбы, на дни рождения, чтобы я их всех веселил. И я ловлю себя постоянно на мысли, что я работаю, а не отдыхаю. Да, я Бонифаций, но сегодня мне очень тяжело дается общение, я веду замкнутый, келейный образ жизни. Но другого выхода нет: у меня нет возможности генерировать энергию. Объездив весь мир, заработал если не апатию, то желание сэкономить энергию для будущего броска. Я мечтаю создать детский театр чудес и волшебства Амаяка Акопяна в Москве. Но пока у меня не получается. Не так давно одни добрые люди решили помочь. Они коммерсанты, которым очень понравилась моя идея. Они хотели бренд Амаяка Акопяна взять с потрохами. Да возьмите, пожалуйста, всего меня, мой опыт, я с удовольствием его отдам бесплатно. Ради детей я готов на все! Но меня, что называется, кинули: им предложили другой проект, другой бизнес строить. И они отказались от моей идеи, от моего театра. Год мы работали над этим проектом, я распустил свою прежнюю труппу... Как быть, что делать? Где мне выступать? В ресторанах и кабаках? Я не могу…

Я попробовал, но это жуткое унижение: для меня.

У меня много знакомых коллег среди западных иллюзионистов. Главное отличие: в нашей стране было больше актеров-иллюзионистов. На Западе же в основном нажимали на шоу — большое, грандиозное, с шикарными визуальными эффектами. Я работал в Лас-Вегасе у Зигфрида и Роя. У них было лучшее иллюзионное шоу в Америке. У них, например, исчезал огромный слон. Они его выводили, буквально на секунду тушили свет, хотя даже не тушили, а просто делали вспышки света, которые помогали замаскировать его исчезновение. Потом из-за кулисы выводили дублера — слона в таком же одеянии. Трюк строился на том, что люк в полу в нужный момент открывался и слон туда летел в огромное пространство в сетку размером как для Кинг-Конга. И еще были страхующие перины. Все западные трюки строятся на технологиях.

Про Копперфильда даже и говорить нечего: все его трюки сделаны под монтаж, они же телевизионные. Когда исчезает статуя Свободы, это же дураку понятно, как происходит. Это элементарный телевизионный монтаж. Хотели заработать большие деньги на этом проекте. Не знаю, почему они выбрали именно этого исполнителя на роль Копперфильда. В дополнение к телевизионным трюкам продюсерам шоу был необходим иллюзионист, который может показать хотя бы фокус с картами. Зигфриду и Рою предлагали, но они к тому моменту были уже известными. Америка — это же страна Микки-Маусов. Взяли обезьянку, на которую нахлобучили шутовской колпак, в одну руку — бубен, в другую — волшебную палочку. Потом возили ее по миру и говорили, что она творит чудеса. Ведь до сих пор есть люди, которые верят в исчезновение статуи Свободы. Все, что Копперфильд делает на сцене, могут даже люди с улицы, не говоря уж о цирковых артистах. Он показывает распиливание! Так уже триста лет распиливают, даже стыдно говорить об этом. В огромную клетку влезает ассистентка, зашторивают ее, поднимают под купол, открывают шторки, а там лев. Этот трюк демонстрировали многие иллюзионисты, и уже давно. Это классика жанра. Но для людей бизнеса главное — реклама, поэтому шоу Копперфильда вкладывает в это огромные деньги. Они умеют продавать воздух: они его красиво упаковывают и выдают за чудо. *РП*

саша мановцева

Але-оп!

текст: диана арбенина рисунок: павел пахомов

Певица и музыкант Диана Арбенина продолжает свое выступление в «Русском пионере». И что тут скажешь? Просто песня.

АЛЕ-ОП! и моя мама бросает моего папу! миллиарды звезд сходят с ума, и меняется генетический код поколений. моя судьба — расти с папой в одном доме и ходить с ним за руку в школу и в кино — сметена ураганом. мое общение с человеком, давшим мне жизнь, сведено к нулю. я радуюсь, я ликую, я — первоклашка с новой жизнью впереди! мне никто не объясняет, что я становлюсь сиротой. Бог занят иным. ура! ура! ура! вперед! вперед! вперед! але-оп! и мы начинаем скитаться по чукотским поселкам. впереди чудеса! рождается брат! я лишаюсь девственности, как последняя дура, случайно и влюбленная в другого. постоянно чувствуя себя чужеродно в любой проходящей по моему бедру школе, я — серая, нет — белая, нет — оранжевая ворона. учитель физкультуры лапает нас, когда мы прыгаем через козла. мы гневно возмущаемся. втайне нам это нравится. впереди чудеса! ура! ура! вперед! вперед! але-оп! на арене появляется музыка. она входит и, разумеется, в какой-то момент выходит — я начинаю писать песни. я стесняюсь. я рожаю песни, прячась за шкафом. я лежу на полу, а гитара лежит на моих ребрах. тела нет. я вешу 43 кг, и кроме моего оголтелого пубертатного одиночества у меня нет ничего. ничего. даже любви нет, и за спиной аборт. мама не знает до сих пор. про это молчим, ребята.

але-оп! я вожу брата в детский сад. утренний штурм автобуса на остановке «мясокомбинат-хлебозавод». как-то раз атакуя автобус, я произношу громко слово «маневр», и вдруг меня начинают уважать те, кто пихал секунду назад, — чудеса русского менталитета. нас пропускают в заиндевевшее нутро автобуса. морозом стынут глазные яблочки, становятся светло-зеленого цвета. мы ползем по трассе. я прижимаю к себе Антошу за воротник крытика (чукотско-советский национальный наряд), и около нас в автобусе неожиданно умирает дяденька. нас высаживают. мы долго идем пешком, но мне уже не холодно, а Антон все рассказывает и рассказывает один и тот же анекдот про Чебурашку. и мы в ту пору близки, как никогда больше не будем, — 5-летний мальчик и 17-летняя девочка. неформальное ура, господа.

але-оп! я курю траву и перестаю учиться. меня сбивает машина. я влюбляюсь в маминого коллегу. он женат. я пишу песню рубеж. я уверена, он знает, почему я уезжаю и бросаю университет. почему я краснею и не могу есть, когда мы

с ним в одной редакции, — он тоже знает. про то, что я начинаю падать в обмороки, и родители ведут меня проверять голову после лобового столкновения со скорой, и там ничего, кроме вмятины, не находят, — он тоже знает. он знает также, что я самая преданная ему девушка на Земле. я могу любые трюки ради него. и вверх, и вниз. и все без лонжи, и все под куполом цирка. он тоже знает. ура! но беда в том, что на самом деле он ни черта не знает и ни о чем вообще не догадывается. он гладит меня по голове — ура, ура, ура — и у меня становятся горячими трусики. и вполне естественно, что я падаю в обмороки, и зачем он так близко наклоняется ко мне — я не хочу, хочу, не хочу, хочу, не хочу, хочу, я ревную, и он идет домой к жене. меня спасает Питер.

але-оп! в конце концов меня спас Питер. в нем полно и акробатов, и клоунов, и гимнастов. в нем ручные бывшие дикими звери, и обмелевшие моржи, и грустные слоны с пыльными ушами, и затрапезные жонглеры, и одетые в человеческое обезумевшие от шизофрении мартышки, и тигры с желтыми зубами, и никому нет дела до пантеры с хлыстом вместо позвоночника. и этот запах! этот восхитительный болотно-пасмурный запах вечно недовольных, прекрасных, на бровях висящих облаков. в Питере есть мосты, с которых можно прыгать — клевый трюк под куполом неба, кстати. в Питере есть театры, и есть Ленсовета, и Петроградка, и жил Пушкин — главный фокусник России. фокус-покус с Дантесом ему откровенно удался, и никому до сих пор не переплюнуть. ура! а главное, в Питере есть ЦЫРК! я пришла туда однажды. оделась парадно — не помню во что, кроме красных вязаных гетр вровень коленке. и села где-то на верхотуре. приготовилась преодолеть в себе комплекс детства. и через минуту уже ревела, глядя на арену. мне жалко. жалко всех, кто там внизу. я не понимаю, как можно любить цирк. любить арену, на которой каждую секунду происходит коитус со смертью или насилие над животными. Иосиф Бродский в «Рабочей Азбуке» на букву Ц:

кто, смеясь и хохоча,
лезет в пасть к зверюге?
мы глядим на циркача
и дрожим в испуге.

я не понимаю, зачем все это. зачем смеясь и хохоча. зачем вообще лезть. зачем нужна пасть этой самой зверюге, если зверюга ее не использует по назначению, как того хотела природа. а зачем глядеть на это, не понимаю особо. мне понятен только наш первородный по этому поводу страх. помилуй Боже, с обеих сторон затея нелепа. тигру намного естественней откусить эту окаянную голову, а не лизнуть ее меланхолически-обдолбанно. а дрессировщику не может не приходить вопрос: где тигру лучше — с ним или в джунглях.

я не могу притворяться. ай кэнт претенд. оставьте меня в покое. мне не смешно в цирке и всех жалко, включая дядечку-конферансье за то, что он красит волосы в грязно-коричневый.

и вот так в тесной крови вязаных гетровых чулок я сидела и умирала от отчаяния. а когда на арену вышли клоуны, буквально захлебнулась слезами, и на меня с удивлением посмотрели. гримасы улыбок и дуги печали вместо бровей. картофельное красное месиво там, где живет нос. и мешки одежд, и кувалды шуток. искаженный нечеловеческий голос. и главное — дебильный расплескивающийся взбрызг тарелок и барабанная дробь после каждой неловкости, как зачет — еще одно очко заработал. шар в лузу. интересно, кто-нибудь из них понял однажды, что их любят за то, что они выходят на арену умирать? они выходят на арену умирать, и всем смешно. наверное, это смешно, раз смеются стадА. из клоунов спасся только Полунин. ему удалось воспарить над нами, предварительно разметав свое сердце по арене и по лицам тех, кто пришел наблюдать над его невозможностью быть таким, как все. Полунин — небожитель.

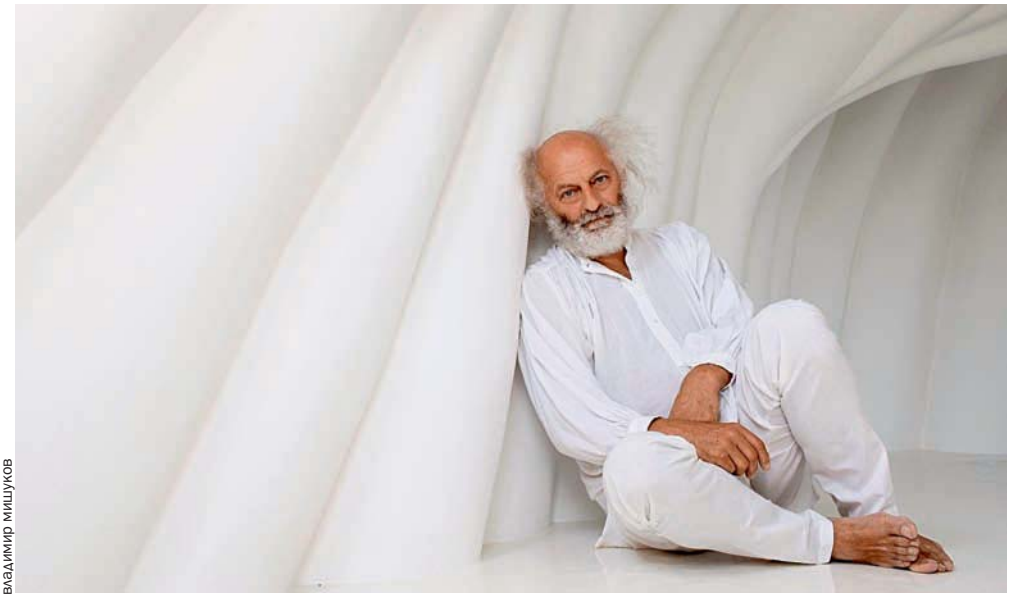
але-оп! однако нам весело в цирке, и давайте радоваться! мы — белые, нет — серые, нет — оранжевые вороны. мы — обглоданные звери, несмешные трюкачи, клоуны-камикадзе, и карлсон, который живет на крыше, тоже с нами. мы все в цирке. в игре. в балансировании на грани. в полете. в падении. в ежедневном одухотворенном сальто-мортале. и по кругу, по кругу, по кругу…

знаете, я стала чувствовать, как из меня уходит моя жизнь. я так сильно люблю жить. люблю каждое утро, и отводить детей в садик, и чай ти латте ту гоу на обратном пути. мне будет очень тяжело со всем этим прощаться. я ведь тоже клоун, и это цирк, да. все это цирк. временное представление с неизбежностью отдать номерок и получить пальто.

мне так смешно, когда я слышу — мое время дорого стоит. какая глупость! наше время нам не принадлежит. иначе мы могли бы им управлять. и его по-настоящему ценить. а оно нам на халяву, и очевидно, что из этого выходит.

и поэтому все, что мы можем, — водить наших детей в цирк и притворяться, что нам это радостно. и ждать, когда закончится второе действие. и хорошо, если детям нравится. но моя дочь в конце представления, насмотревшись на зверей, на летающих людей и проглотив ломания клоунов, моя дочь как-то повернулась ко мне и громко прошептала: «мама! пойдем домой! клоун, наверное, сегодня уже не придет».

але-оп!

владимир мишуков

Обаяние и наказание

текст: вячеслав полунин рисунок: маша сумнина

Номер, посвященный цирку, категорически не мог обойтись без колонки Вячеслава Полунина — мима, лицедея, «Асисяя». А колонка Вячеслава Полунина про цирк не могла быть не такой наивной, доброй, «снежной», какой она получилась. Мы ведь чего-то такого и ждем — не только от колонки Вячеслава Полунина, но вообще от цирка.

ЦИРК — это что-то из детства, что-то волшебное, что-то прекрасное.

Чудеса, аж дух захватывает!

Яркий луч света, а в нем какая-то небывалая красота, неподражаемая смелость. Грациозные и изящные женщины, сильные и ничего не боящиеся мужчины, дружелюбные хищники и послушные горделивые скакуны… Словом, все то, что хочется видеть в жизни и что так редко удается в ней встретить… Здесь все исполнено великолепия, что зиждется на высочайшем мастерстве, спрятанном под покровом простоты и наивности.

Эта простота и объединяет зрителей цирка — молодых и старых, высоколобых и совсем неискушенных. В этой простоте его, цирка, обаяние, но и наказание, потому что каждый норовит о нем судить — ведь здесь все так просто!

Цирк — это всегда чудеса и всегда радость. Он создан ради этих двух слов, ради неподдельного ощущения себя ребенком.

Именно такой цирк я люблю. И такой цирк хочу делать.

Но надо найти правильный язык, на котором готовы разговаривать о чудесах и стар и млад. Язык этот меняется со временем. На него влияет вся мировая культура. Не может один вид искусства оставаться в одном времени, когда все остальные «убежали» в другое. Если современный театр знавал спектакли Мейерхольда, Гротовского, Кантера, Пины Бауш и Роберта Вильсона, а живопись преломляла действительность под кистью Пикассо и Миро, Дали и Эрнста; если мы пережили воздействие скальпеля постмодернизма и научились разбираться в оттенках черноты современной литературы, то почему же мы думаем, что цирк может и должен оставаться таким же, каким он был десять, двадцать, сорок, шестьдесят лет назад?

Я уверен, что наивность цирка может быть современной, поэтичной, глубокой, изысканной, если суметь найти правильную интонацию.

Русский цирк славился не только своей техникой, но и душевностью, поэтичностью. И к этой традиции хочется вернуться. При этом сюда должны прийти современные дизайнеры, хореографы, композиторы. Хочется, оставляя цирковые жанры основой выразительности, соединить в едином